Политическое планирование в условиях «водного голода»

В.Н. Расторгуев

В статье анализируются причины неэффективности долгосрочного стратегического планирования и существующих моделей обеспечения коллективной безопасности перед лицом новых угроз, среди которых выделяется угроза «водного голода». Она связана с необратимым разрушением социоприродных систем, распространением наиболее опасной разновидности «точечного террора», неконтролируемой миграцией миллионов беженцев. Особое внимание уделено политическим и методологическим аспектам разработки водоохранной политики РФ на современном этапе с учетом специфики планетарной сети водораздельных гидроузлов. Обобщен опыт работы над Экологической доктриной России, а также осуществления ряда инновационных проектов и программ, в частности, Государственной программы устойчивого развития Тверской области – территории Великого водораздела Русской равнины.

Еще лет 20 назад в нашей стране долгосрочное планирование почти полностью отсутствовало как в сфере государственной политики, так и в области бизнеса, а сама идея планирования воспринималась многими политиками и экономистами как атавизм советской политической системы. Результаты – постоянно ускорявшаяся динамика распада страны и ставка на «короткие деньги». Разумеется, современная генерация ведущих политиков работает в режиме плотного и даже сверхплотного графика планирования: «политические часы» настроили, наконец, и они предсказывают не только ближайшие события, но и траектории передвижения звезд первой величины и прочих «политических тел» на годы и десятилетия вперед. Появился и первый опыт создания рукотворных сверхновых событий, способных изменить ход политического времени. Однако сама сердцевина планирования – долгосрочная и сверхдолгосрочная стратегия развития, – присутствует, как и прежде.¹

Инварианты и варианты стратегического планирования. Так называемая «Концепция – 2020» отстала от вызовов времени на годы еще до своего появления на свет, а глобальный кризис лишь сделал это отставание очевидным.² Теперь поставлена новая цель – срочно переделать ее в антикризисную программу (ориентир все

те же: «2020»). Понятно, что скромный масштаб задач свидетельствует о зияющих пустотах в стратегическом планировании, проектировании и прогнозировании. Да и трудно требовать большей смелости от тех, кто прокладывает курс, постоянно находясь в «зоне политической турбулентности». Как не было, так и нет ответа на главные вопросы: какое общество строим, какие угрозы приближаем своим бездействием, на какие риски готовы идти и ради чего? То же самое можно сказать и обо всех других документах доктринального характера – в частности, о «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», которая сама представляет собой скрытую угрозу. Причины ее несостоятельности – не в интеллектуальной немоции составителей и не в отсутствии созидательного опыта (его-то явно недостает), а в ином. Впрочем, они лежат на поверхности. Назовем основные факторы риска.

Во-первых, система безопасности напрямую зависит от долгосрочных целей, которые не артикулированы и по сей день. Одна система пригодна для модели «энергетического лидера» (если называть вещи своими именами – основного ресурсного донора развитых и быстро развивающихся стран). Иная – для «догоняющей модернизации», вполне приемлемой для потенциальных конкурентов, ибо она сохраняет

Расторгуев Валерий Николаевич – д. филос.н., профессор кафедры философии политики и права философского факультета, руководитель образовательной программы «Экологическая политика» факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, лауреат Премии Правительства РФ в области науки и техники и Национальной Экологической Премии. E-mail: vestnik@mgimo.ru

дистанцию между «золотым миллиардом» и его окружением. И совершенно другая, на порядок более сложная и дорогая, система безопасности потребуется для того, чтобы действительно «оседлать» новый технологический уклад и самим оторваться от догоняющих стран, обделенных резервами. В этом случае кардинально изменятся все – от геополитического климата, который вряд ли будет благоприятным, до круга потенциальных союзников и противников, от оценки угроз до определения приоритетов. А в списке важнейших приоритетов появляется давно забытое:

- выявление и устранение так называемых технологических тупиков (технологической зависимости от реальных и возможных конкурентов);
- новый режим инвестиций в фундаментальную науку по всему спектру основных направлений;
- ставка на долгосрочные инновационные проекты в высокотехнологических областях производства и ВПК.

Но какой бы путь мы ни выбрали (альтернативные варианты не исчерпываются названными), в любом случае потребуются неординарные решения, что исключает механическое калькирование чужого опыта, в том числе и самого конструктивного. Сколько не перешивай «кафтанчик», он и скроен был явно не на Россию с ее державной статью и временными поясами. Можно, конечно, и пояса утянуть по европейской моде, но это не изменит сути дела.

Во-вторых, суть дела в том и заключается, что природные богатства, щедро данные России, не спрячешь от завистливых глаз, а чрезмерная расточительность (Российская Федерация выбилась в число мировых лидеров по распродаже невозобновимых ресурсов) лишь подогревает напряженность. Об этом свидетельствуют хотя бы сегодняшние спекуляции вокруг идеи создания нового антироссийского военного блока приарктических и балтийских стран («мини-НАТО»). Вопрос не в том, существуют ли закрытые договоренности о создании этой структуры, а в том, что такая версия развития событий более чем возможна в недалеком будущем. Арктические кладовые еще недоступны, а климатические изменения, способные открыть к ним прямую дорогу, еще слабо предсказуемы, но ажиотаж уже охватил почти все «заинтересованные стороны», в том числе и предельно далеко отстоящие от арктической зоны.

В-третьих, дефицит долгосрочной стратегии – болезнь века, своего рода эпидемия, из-за которой страдает не только Россия, хотя наш опыт обесмысливания жизни особо поучителен. Удручает, что этот недуг все реже воспринимается как патология, но все чаще – как норма для всей человеческой цивилизации, пораженной бациллой ростовщичества и утратившей основу основ – иерархию ценностей, высшее звено которой – ставка на производительный

труд и вера в премудрость Творца. Господь, как известно, не имел советников, «Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?» (Рим. 11: 33-34). Сегодня же у людей, принимающих судьбоносные решения, много советников, ни во что не ставящих заветы предков. Объяснение не надо долго искать: сами новоявленные советники – по преимуществу ростовщики, которые не пустят и на порог истинных учителей. Но следует помнить слова Спасителя, обращенные к апостолам: «И если кто не примет вас и не будет слушать вас, то, выходя оттуда, отрясите прах от ног ваших, во свидетельство на них. Истинно говорю вам: отраднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели тому городу (Марк 6: 10,11).

Система ценностей – цивилизационный код, без которого даже блестящие на первый взгляд планы обречены. Не случайно говорят: «если хочешь рассмешить Бога, расскажи Ему о своих планах». По этой причине столь важно отличать инвариантные, то есть неизменные и непреходящие ценности, а также основанные на них проекты, от тех вариативных сценариев, которые мы просчитываем на несколько ходов вперед с учетом международных обязательств, национальных и корпоративных интересов, оставляя за собой право вернуться, в случае надобности, к пока невостребованным сценариям. Заметим, что здесь не «работает» известная аксиома, согласно которой история не имеет сослагательного наклонения. Имеет, если речь идет о сохраненных альтернативах развития: чем их больше, тем выше устойчивость системы, и ключевая задача политического планирования заключается в том, чтобы сохранить и расширить «коридор возможностей» и, соответственно, «коридор лавирования», который должен оставаться у политического руководства.

Мы не способны предвидеть все угрозы, найти ответы на все вызовы времени, но есть неизменные ориентиры в государственной политике. Эти ориентиры – *природосбережение и народосбережение*. В последнем случае имеется в виду не только сохранение «биомассы» и воспроизводство «человеческих ресурсов» или «человеческого капитала»³, но и сохранение самих народов как основных исторических субъектов. Соответственно, базовые элементы любой стратегии, даже той, которая еще складывается (хотя бы «Концепция 2020» в ее антикризисном исполнении), можно и должно закладывать сегодня, не связывая работу ни с изменчивой конъюнктурой – финансовой, экономической, политической, – ни с расстановкой сил.

Живая и мертвая вода: фундаментальные основы долгосрочной стратегии. Какой же проект следует ввести в число базовых? Очевидно, что им может быть защита водных ресурсов России и, в первую очередь, стратегических запасов питьевой воды. Заметной подвижкой в этой связи стало принятие 27

августа 2009 г. «Водной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года». Почему об этом можно говорить со всей определенностью? Причин много, но особого внимания заслуживают три основных:

- во-первых, от наличия и качества этого ресурса зависит не только сохранность региональных биосистем (именно уникальное региональное биологическое многообразие является высшей ценностью, данной человеку – страннику на земле отцов⁴), но и качество жизни людей – а это ключевой показатель эффективности любой политики, политической системы, режима или курса. Собственно, здесь сходятся в одной точке и цивилизационные истоки («исторические корни» большинства народов мира связаны с руслами рек, и эти истоки легко определить, воспользовавшись бассейновым принципом первичного расселения), и перспективы развития (поступательного или губительного) локальных цивилизаций;
- во-вторых, на рубеже второго и третьего тысячелетий человеческое сообщество, кажется, окончательно определилось с главным приоритетом в области стратегических ресурсов. Согласованная позиция, закреплённая в документах крупнейших международных форумов, в том числе в Плате реализации решений Всемирного саммита по устойчивому развитию в сфере воды и санитарии, сводится к тому, что в качестве основного ресурса выживания и устойчивого развития признается обычная пресная вода. Необыкновенное единодушие политиков и ученых, достигнутое в процессе подготовки столь важных выводов о роли пресной воды, обусловлено, конечно, не доминированием какой-то конкретной научной школы, хотя роль научной аналитики в принятии политических решений неуклонно возрастает, и не доброй волей высоких договаривающихся сторон, наличие которой не следует недооценивать.

Но ее не стоит и преувеличивать, поскольку именно ожесточенная борьба за водные ресурсы и реальная угроза неконтролируемой вынужденной миграции миллиардов (!) человек в ближайшие годы предопределили направленность коллективного поиска компромиссных решений. Уже сегодня цифры носят устрашающий характер: свыше 20 миллионов «водных мигрантов», а общее число беженцев из засушливых регионов мира, по данным ООН, в 2009 году в несколько раз превысило число переселенцев, которые ищут спасения от вооруженных конфликтов. Об этом говорил секретарь Совета безопасности РФ Н. Патрушев, подводя итоги заседания очередного заседания Совета, посвященного водной безопасности России. По его словам, только в последнее десятилетие «конфликты и кризисы по этой причине нарастают уже в 46 странах, где проживают

2,7 миллиарда человек. Самые конфликтные в этом отношении – регионы Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии и Северной Африки».⁵ К сказанному можно добавить, что «конфликтногенная зона» быстро расширяется и в ближайшее время распространится (уже распространяется) на европейское пространство.

Не вызывает сомнений, что международное согласие относительно значимости пресной воды для человечества носит условный и чаще всего сугубо декларативный характер. Оно вызвано схожими рисками, связавшими судьбы всех локальных цивилизаций в начале третьего тысячелетия, но несущими в себе «взрывоопасный» потенциал. С другой стороны, наличие общих угроз, вызванных дефицитом водных ресурсов и планетарным распространением злокачественных форм «гидрологического обнищания» (все иные формы социального расслоения и обнищания при этом многократно усугубляются) делает очевидной и потребность в поиске единых подходов к излечению планеты;

- в-третьих, потребность в согласии становится по мере ухудшения ситуации императивом политического поведения, не имеющим альтернатив – *экологическим императивом тысячелетия*. Если в исторической ретроспективе локальные случаи хронической «гидрологической обездоленности» были главной причиной исчезновения многих этнических культур и крупных цивилизаций, то сегодня неизлечимая болезнь «водного голода» может стать и уже становится приговором для большей части человечества. По этой причине происходят качественные перемены и в массовом общественном сознании, и в сфере определения геополитических и научных приоритетов. Точно так же, как в мире дикой природы в период засухи вступает в силу «закон колодца», обеспечивающий свободный и относительно безопасный доступ хищников и их потенциальных жертв к водопою, в международном сообществе, не свободном от хищничества и насилия, постепенно пробуждается чувство вынужденной солидарности в деле защиты истоков живой воды.

Задачи на выживание. Явная тенденция к согласию в решении некоторых наиболее острых проблем глобального характера с установлением научно выверенной иерархии ценностей в сфере мировой ресурсной политики представляется позитивным знаком времени, поскольку позволяет решить ряд задач, связанных с выживанием:

- *первая задача* – в результате указанной «иерархизации» политического сознания мировое сообщество приближается к созданию единой критериальной и методологической основы при разработке и, что особенно ценно, при согласовании и

последующей синхронизации региональных, национальных и субнациональных экологических доктрин во всех странах и регионах планеты. А это, в свою очередь, поможет перевести многие трудноразрешимые проблемы (например, проблему предотвращения или минимизации последствий трансграничных или континентальных загрязнений) из области отвлеченных научных исследований в сферу совместных проектов и экологически ответственных политических решений уже на ранних этапах стратегического планирования и прогнозирования;

- *вторая задача* – к проблемам выживания можно отнести использование универсальной методологии при выработке национальных стратегий экономического и социального развития. Даже несовершенные и во многом декоративно-декларативные национальные экологические доктрины позволяют, как минимум, различать непреходящее и преходящее в процессе стратегического экономического планирования и тем самым закладывают *надвременные, надотраслевые и надклассовые* ограничители при постановке целей долгосрочного развития. К примеру, определение пределов роста и максимально допустимых техногенных и антропогенных нагрузок на водохозяйственные территории – проблема не политическая, а сугубо научная от момента ее постановки до поиска оптимальных сценариев решения (при этом автономия науки возможна при условии ее полноценного обеспечения со стороны государства и бизнеса). И только на стадии подготовки и осуществления практических шагов эта проблема переходит в разряд задач собственно экологической политики, осуществляемой государством при деятельном (добровольном или принудительном) участии крупного бизнеса.

Роль национальных экологических доктрин, в том числе и Экологической доктрины Российской Федерации, принятой Правительством Российской Федерации 27 августа 2002 г. (за несколько дней до начала Всемирного саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге),⁶ отчасти заключается в четкой фиксации как степени солидарной ответственности, так и границы функциональных обязанностей и полномочий политики, ответственного бизнеса и «чистой» науки. Эту границу никому не дозволено переходить даже под предлогом научного обеспечения государственной деятельности или защиты национальных и корпоративных интересов – ни политикам, ни ученым, ни предпринимателям. Отсутствие подобных доктрин в наше время или недооценка значимости их научного ядра – свидетельство опасных отклонений от нормы, позволяющее говорить о пределах доверия к политическому курсу или режиму. Такая си-

туация резко меняет соотношение и удельный вес политического и собственно экологического (научного) начал экологической политики любого уровня – и национальной, и региональной, и глобальной. При этом резко возрастает социальная значимость академической свободы как подлинного гаранта политической демократии;

- *третья задача* – выход за пределы узкополитического (идеологического и отраслевого) подхода к выработке долгосрочных стратегий, чему служит установка на наукоемкую политику.⁷ Четкая договоренность в вопросах иерархии стратегических ресурсов закладывает фундамент *надполитического мирового порядка*, который с неизбежностью изменяет вектор глобализации – от скрытой или явной политической борьбы за передел *последних ресурсов* и разрушения *последних границ* (государственных и административных, культурных и моральных) к научно выверенному определению *последних пределов допустимого и доступного*. За этой невидимой чертой политические ценности (даже гарантированные основные права и свободы) превращаются в свою противоположность – из инструментария устойчивого развития отдельных стран и народов в инструмент глобальной дестабилизации и разрушения. Не следует забывать, что дефицит воды сам по себе является и дефицитом реальной свободы, начиная со свободы выбора возможных путей развития, и дефицитом всех без исключения человеческих прав, начиная с права на жизнь! Хочешь сберечь дорогие сердцу демократические и (или) национальные идеалы – сбереги гаранты жизни и научись сотрудничать с людьми и народами иной культуры.

Последний ресурс. Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что не менее важным, чем вода, ресурсом развития остается, конечно, и человеческий разум, и дух народа, и политическая воля мирового сообщества, выраженная в национальных и региональных стратегиях устойчивого развития. Как отмечалось в Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций, утвержденной резолюцией Генеральной Ассамблеи еще в 2000 г., только *благое управление в каждой стране* позволит остановить наиболее опасные деструктивные процессы и, что особенно важно, нерациональную эксплуатацию планетарных водных ресурсов. Для этого потребуются «разработать стратегии водохозяйственной деятельности на региональном, национальном и местном уровнях». В противном случае мы потерпим поражение «в деле избавления всего человечества, и, прежде всего, наших детей и внуков, от угрозы проживания на планете, которая будет безнадежно испорчена деятельностью человека». При этом безнадежно испорченной окажется и перспектива мирного сосуществования народов, так как реальное

глобальное управление мировыми ресурсами, в том числе и водными, пока так же далеко от декларируемых принципов «благотворного управления», как и «миротворческие акции» (с применением оружия массового уничтожения) от принципов мирного сосуществования.

В условиях глобализации с ее «неограниченными возможностями» и новым уровнем экологических и социальных рисков эти выводы почти не нуждаются в специальном обосновании. Известно, что от общего объема водных ресурсов планеты пресная вода составляет не более 3%, а с поправкой на доступность – менее 2%. При этом около 70% ее запасов идет на нужды орошения. Острый дефицит питьевой воды, ставший бичом для большинства регионов планеты, ежегодно уносит свыше трех миллионов человеческих жизней. Даже по самым «оптимистическим» прогнозам, число жертв будет неуклонно увеличиваться (различия между позициями «оптимистов» и пессимистов» касаются только оценки динамики процесса).

В обозримой перспективе проблема доступа к пресной воде осложнит жизнь большей части человечества. По мнению ряда независимых экспертных групп, уже через 20 – 30 лет объем пресной воды, который потребляет человечество, сравняется с ее ресурсами, что негативно отразится на здоровье и качестве жизни четырех миллиардов человек. В выигрыше окажутся лишь производители и продавцы бутилированной воды, прибыли которых даже сегодня вполне сопоставимы с показателями крупнейших нефтяных компаний. И это, пожалуй, не самый опасный сценарий, поскольку он не учитывает множества факторов, связанных с угрозами политического и техногенного характера, а также с трудно прогнозируемой динамикой истощения и понижения уровня грунтовых вод.

К таким факторам можно отнести, к примеру, возможность развязывания континентальных и мировых «водных войн», которым отдельные футурологи все чаще пророчат масштабы и последствия, сопоставимые с фантазмом «звездных войн». Некоторые аналитики говорят о том, что, наряду с ожидаемыми «горячими водными войнами», следует помнить и о уже ведущихся скрытых «холодных войнах», связанных, например, с неявным перераспределением водных ресурсов. Способы подобного волевого передела многообразны – от выкачивания грунтовых вод, передела водных ресурсов в пользу высоко урбанизированных центров и получения особых преимуществ, связанных со строительством и эксплуатацией ирригационных сетей вверх по течению рек, до расширяющейся трансграничной торговли зерновыми и другими продуктами сельского хозяйства, производство которых требует большого расходования пресной воды. Как отмечает Л.Р.Браун, «если раньше нехватка воды была местным явлением, то теперь благодаря международной торговле зерном она пересекает государственные грани-

цы». Так, «количество воды, которое ушло на производство зерна и прочего продовольствия, импортированного в Северную Африку и на Ближний и Средний Восток в 2000 году, примерно равно годовому дебиту Нила. Другими словами, дефицит воды в этом регионе равен потоку еще одного Нила, который течет там виртуально – в виде импортируемого зерна»⁸.

Подтверждением реалистичности самых пессимистических прогнозов служат заметно участвовавшие в последние годы межгосударственные и межэтнические конфликты, возникающие (в том числе и на постсоветском пространстве) из-за неурегулированных отношений при совместном использовании водных артерий, бассейнов, подземных вод и ирригационных систем. К опасному перерождению подобных конфликтов в межнациональные и даже межцивилизационные войны могут привести наметившиеся тупики в разработке международного водного права и общая тенденция на ослабление роли международного права, которое в начале третьего тысячелетия уже неоднократно подвергалось целенаправленной дискредитации.

Достаточно упомянуть в этой связи о силовом решении так называемой «балканской проблемы», когда были нарушены все международные нормы. Или о переделе мирового нефтяного рынка с использованием военной интервенции, не санкционированной международным сообществом. Особого внимания заслуживает тот факт, что и в первом, и во втором случаях среди «незамеченных» последствий военных интервенций осталась серия масштабных экологических катастроф, связанных, в частности, с использованием экологически опасных видов оружия и с «точечным» поражением особо уязвимых природных территорий.

Грамотно рассчитанный, технологически и организационно обеспеченный удар по отдельной болевой точке планеты или по системе таких точек (сети атомных электростанций или столь же опасных производств, естественных и/или искусственных гидроузлов, транспортных артерий и иных систем жизнеобеспечения) с неотвратимостью приведет к труднопреодолимым или необратимым последствиям. В данном случае речь может идти, например, об экологической катастрофе локального происхождения, но глобальной «прописки». Использование «точечной стратегии поражения» отмечена эскалация наиболее опасных форм экстремизма и терроризма – как транснационального или «инициативного» (различные антигосударственные и, как правило, законспирированные организации радикального толка), так и государственного терроризма, а также ряда новых военных стратегий и доктрин ведения скрытых и открытых «дистанционных войн», методы которых мало отличаются от откровенно криминальных.

Необходимо учитывать и возможность срастания и «взаимоиспользования» различных

форм терроризма, в частности, государственного и транснационального, что связано не только и не столько с "эффектом взаимопроникновения на скрытом фронте", сколько с общностью методов, а иногда и целей. И в первом, и во втором случаях – нанесение дистанционным точечным оружием (оружием террора, созданным в цивилизованных государствах) или малочисленными спецгруппами с применением подручных средств (те же пассажирские самолеты) на территории противника выверенных ударов по болевым точкам – наиболее ценным и/или уязвимым зонам и объектам. Их цель – создания ситуации "управляемой локальной (экологической, социальной, культурной и этнодемографической) катастрофы".

Чрезвычайно велика также вероятность использования искусственно вызванных нелокализуемых катастроф локального происхождения (континентальных или глобальных по своим последствиям) в качестве инструмента политического шантажа или политической мести как новейшего и, по мнению некоторых представителей "цивилизованного сообщества", допустимого способа "противодействия терроризму". В действительности политическая месть служит лишь способом оправдания терроризма (по мнению радикалов – исторического оправдания самого террора как формы "справедливой войны"). Она же становится стимулом превращения локальных очагов терроризма в звенья глобальных террористических сетей с перспективой тотального распространения методов точечного поражения как универсальной альтернативы глобализации.

Иллюстрацией подобных ценностных инверсий (взаимопревращения по формуле: "терроризм = антитерроризм") служит тот факт, что именно в зонах повышенного риска, которые самой природой или мировой историей уже давно отнесены к болевым точкам планеты, вновь и вновь возникают опасные очаги напряженности. Они, как правило, чреватые развитием трудно локализуемых социальных, экономических и этнических (этнокультурных) катастроф, включая сопутствующие им социо и техногенные экологические поражения локального, регионального или глобального типов. Попытки "врачевания" болевых точек планеты силовыми методами приводят в начале третьего тысячелетия к возникновению глубинных "тектонических деформаций" в самых различных пластах современной геополитики, например, в точках традиционной геополитической стабильности.

Забывтая государственная программа и перспективы устойчивого развития: защита планетарной системы естественных гидроузлов и роль Великого водораздела Русской равнины в глобальной системе водной безопасности. Особую обеспокоенность вызывает высокая вероятность возникновения нелокализуемых антропогенных и техногенных катастроф континентального масштаба в зонах водора-

здельных гидроузлов, существующие формы защиты которых не могут считаться эффективными ни в военное, ни в мирное время. Очевидно, что точечное поражение этих зон может поставить под вопрос существование великих цивилизаций, в том числе русской и европейской. К сожалению, в уже упомянутой Водной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года нет ни единого слова ни о водоразделах, ни о естественных гидроузлах (за исключением беглого упоминания о паводкоопасных территориях, в том числе нижних бьефов гидроузлов), ни о чрезвычайно высоких рисках, связанных с их возможным поражением. Речь в этой стратегии идет только о размещении генерирующих мощностей в составе действующих гидроузлов неэнергетического назначения, а также о строительстве и реконструкции искусственно созданных гидроузлов для создания дополнительных регулирующих емкостей водохранилищ и увеличения водоотдачи. Голый прагматизм – не лучшая методология построения эффективной системы национальной и коллективной безопасности.

Говоря о безопасности планетарной системы водораздельных гидроузлов, следует вспомнить о том, что именно в России впервые были проведены пилотные исследования в этой области, а также разработана и в течение ряда лет успешно осуществлявшаяся федеральная программа по системному развитию важнейшего из естественных гидроузлов Земли. Речь идет о Государственной региональной программе «Социально-культурное развитие Тверской области (территория Великого водораздела)».⁹ Именно здесь берут начало три великие русские реки – Волга, Днепр и Западная Двина (Даугава), соединяющие бассейны Черного, Каспийского и Балтийского морей. Эта программа была принята в 1992 году на заседании Совета Национальностей Верховного Совета Российской Федерации и осуществлялась до 1997 года, когда в России были свернуты многие экологические и социальные программы. Ее можно рассматривать как первую комплексную социально-культурную и экологическую программу устойчивого развития особо значимого региона.

Из результатов исследований, проведенных и апробированных в рамках Государственной программы, а позднее – в процессе подготовки проекта международной программы «Валдай – колодцы мира»¹⁰, следует: в десятке крупнейших континентальных водораздельных гидроузлов (*супергидроузлов планеты*) наибольший интерес и значимость с точки зрения создания эффективных систем национальной и коллективной международной безопасности представляет Валдайский гидроузел (Великий водораздел).

Другие супергидроузлы – Альпийский, Гималаи-Тибетский, Кордильерский и Андийский – труднодоступны и в меньшей степени находятся под угрозой избыточного антропо- и техногенного давления из-за высокогорья, а

Центрально-Африканский — из-за ландшафта тропической пустыни. Оптимальные характеристики природной программы и системного потенциала региона (за исключением энергетического компонента, крайне ограниченного в верховьях рек) имеют **Валдайский** (бассейны Волги, Днепра и Западной Двины) и **Озёрный** (бассейны Миссисипи, Святого Лаврентия и Нельсона) гидроузлы. Первый из них расположен в Восточном, а другой — в Западном полушарии планеты. Их средняя высотность и чрезвычайно разветвлённая речная и озёрная сеть, а также тот факт, что оба гидроузла лежат в зоне умеренного климата, всегда создавали предпосылки успешного освоения данных территорий, реализовавшиеся в богатейшей этнокультурной истории этих уникальных явлений географической оболочки и ноосферы Земли.

Программа была тесно связана с обеспечением как национальной, так и международной экологической безопасности. Академик Д.С. Лихачев в своем обращении к президенту России о необходимости поддержки программы отмечал, что ключевой вопрос долгосрочной стратегии России — запредельная степень риска для мирового сообщества, связанная с возможностью техногенной катастрофы на территории Великого Водораздела: «Реки текут в три моря, а под угрозой и Москва. Если водораздел будет отравлен (например, атомными отходами), то погибнет вся Россия до Белого моря и до Каспия». К сожалению, Тверская программа, отражающая общенациональные интересы и международные обязательства России, была приостановлена в 1996 году. По мнению академика В.А. Черешнева, совершенно очевидно, что причина этого политического решения — «хроническое отсутствие долгосрочного стратегического планирования и прогнозирования как в центре, так и в регионах, болезнь слабого управления, с таким трудом преодолеваемая сегодня».¹¹

В заключение следует отметить, что определение направлений долгосрочной экологической политики — задача на стыке стратегического прогнозирования и планирования с акцентом на политическом планировании. Этот акцент и соответствующая политическая установка становятся актуальными только тогда, когда приходит время больших наступательных стратегий — и в экономике, и в социальном развитии. И такое время пришло. В современной России появился социальный заказ на построение грамотного будущего, в котором экология призвана играть ключевую роль. Эта особая роль экологии объясняется тем, что стратегическое планирование нуждается в добротной экологической основе, которая обладает рядом качеств. Назовем два основных из них:

— во-первых, экологическая основа стратегического планирования не подвержена тлену времени и быстрому устареванию. Эколо-

гические циклы расширяют перспективы планирования до того временного горизонта, за которым открывается подлинная себестоимость любого проекта и любой программы. Многие из того, что сегодня воспринимается нами как выгодное вложение ресурсов, сразу обесцениваются, когда мы получаем возможность сопоставить преимущества мгновенного эффекта и цену невозможных ресурсов, потраченных на достижение этого эффекта. Цена, как правило, многократно превышает временные выгоды, что открывает для нас бессмысленный, а иногда и откровенно преступный характер многих экономических проектов, рассчитанных на быструю окупаемость и получение сверхдоходов. Таким образом, экологический горизонт планирования задает трансвременные ориентиры стратегии экономического роста и инвестиционной политики, высвечивает не только перспективы подъема, но и пределы, за которыми рост превращается в падение;

— во-вторых, экологическая основа позволяет синхронизировать экономические, экологические и социальные проекты любого класса, связать их во времени и пространстве на основе единой шкалы ценностей и, что не менее важно, на основе понимания уникальности каждого природного региона. Что это за ценности и что это за шкала? Знание единственно правильного ответа оплачено многими катастрофами антропо- и техногенного характера. Теперь ответ воспринимается почти как трюизм — это сохранение и повышение качества жизни населения, а также поддержание устойчивости региональных социоприродных систем, что, собственно, и является ключевым гарантом качества жизни.

Rastorguev V.N. Political planning in terms of "water famine"

Summary: The article analyzes the reasons of inefficient strategic planning of the existing collective security models facing the new threats, including "water-shortage" caused by the irreversible destruction of socio-ecologic systems, spreading of "dot-terror" and uncontrolled migration of millions of refugees. Special attention is devoted to the political and methodological aspects of the developing Russian water-securing policy today, considering the specific global water sharing hydro centrals. The experience of both the establishing Ecological doctrine of Russia and realization of a number of innovative projects and programs — in particular, the governmental program of sustained development of the Tver'-region as a Great water sharing hydro central of the Russian plain — is generalized in the article.

Ключевые слова

стратегическое прогнозирование, политическое планирование, экологические программы, системы коллективной безопасности, методология управления рисками, управление водными ресурсами, водные мигранты, водораздельные гидроузлы, синхронизация проектов.

Keywords

strategic forecasting, political planning, ecological programs, collective security, methodology of the risk-managing, water resource managing, water migrants, water sharing hydro centrals, project-synchronizing.

Примечания

1. Расторгуев В.Н. Философия и методология политического планирования. Избранные лекции и доклады. Тверь: Седьмая буква, 2009.
2. Расторгуев В.Н. Проект Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. (аналит. доклад на заседании Координационного совета по социальной стратегии при Председателе СФ ФС РФ) // Уровень жизни населения регионов России. 2009, №1-2.
3. Черешнев В.А., Расторгуев В.Н. Качество человеческого потенциала и качество жизни: политический подтекст и выбор социальной стратегии // Роль государства и гражданского общества в развитии человеческого потенциала и обеспечения рационального использования природных ресурсов России. М.: Совет Федерации. 2007.
4. Лучше других сказал об этом Николай Бердяев: «Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник – самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная он не врос в землю, в нем нет приземистости. Странник – свободен от "мира" и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника. Русский тип странника нашел себе выражение не только в народной жизни, но и в жизни культурной, в жизни лучшей части интеллигенции». Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 17.
5. Есть ли жизнь без воды. Совет безопасности оценил угрозы, связанные с нарастающим в мире "водным" голодом // Российская газета, 19 августа 2010 г.
6. Проект доктрины, в инициации и разработке которого участвовали авторы этой статьи, был разработан Общенациональным экологическим форумом России (руководитель – академик В.А. Черешнев). Проект в 2001 г. получил одобрение В.В. Путина, взявшего под личный контроль его прохождение и широкое обсуждение. Таким образом, завершился, по сути, первый в отечественной истории опыт стратегического планирования, основная стадия которого прошла не в кабинетах чиновников, а в научных коллективах и неправительственных организациях, с привлечением к дискуссии всех граждан, неравнодушных к будущему родной земли. Первый замысел доктрины возник в начале 90-х годов, когда для ее разработки был создан Экспертный совет по стратегии устойчивого развития при комитете по социальной политике Совета Федерации первого созыва. Начальный замысел предполагал построение единой методологии управления социальными и экологическими рисками, а в функции доктрины входила оптимизация работы Совета Федерации и, в частности, проведение социально-экологического мониторинга и системной экспертизы всех законопроектов, утверждение которых входит в компетенцию верхней палаты.
7. См. подробнее: Расторгуев В.Н. Наукоемкая политика: экологическое измерение // Вестник Московского университета, сер. 12. Политические науки. М., 2006, №2,3.
8. Браун Л.Р. Экоэкономика. Как создать экономику, оберегающую планету. М., 2003. С.79-80.
9. Общая стоимость мероприятий этой программы составляла 40,1 млрд. рублей. В разработке программы активное участие принимали проф. В. Воробьев (историко-культурное направление) и разработка планетарной схемы водораздельных гидроузлов с детальным описанием) проф. В. Петрищев (экономическое направление), проф. А.Тищенко (экологическое направление, картография, космические съемки и пр.). Научный руководитель программы проф. В. Расторгуев. Активную поддержку в работе над программой оказывали Глава администрации Тверской области В. Суслов, его заместители В. Сергиенко и В. Подъячев. В областном Комитете по экономике и прогнозированию программу курировала главный специалист С. Литягина.
10. Международная программа «Валдай – колодцы мира (коллективная защита системы важнейших водоразделов планеты)» была своеобразным продолжением одного из исследовательских направлений Тверской программы и осуществлялась в течение нескольких лет. Основную часть финансовой, научной и организационной поддержки проекта на этот раз взяло на себя не государство, а общественная организация – Центр стратегического развития и инвестиций.
11. Черешнев В.А. От истоков великих рек к истоку большой стратегии // Колодцы мира. Великий водораздел двух тысячелетий и трех морей (серия «Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам»). М.: Финансовый контроль, 2004.